

МЫСЛИ О ДИАХРОНИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

В свое время Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон заложили основы диахронической фонологии как науки об общих закономерностях развития фонологической системы языка. Исходным материалом и первым пробным камнем новой науки была „история звуков“ русского и славянских языков. Давно „стучится в дверь“ и еще одна наука, наука об общих закономерностях развития морфологической структуры языка, диахроническая морфология. Материалом для ее построения может послужить „историческая морфология“ славянских и балтийских языков. За последнее время весьма ценный вклад в историческую морфологию балтийских языков внесли В. Мажюлис, Й. Казлаускас и др. Уже имеются первые попытки построения славянской диахронической морфологии (В. Георгиев, В. Мареш и др.). В настоящей статье кратко излагаются основные принципы диахронической морфологии как родной сестры и дочери диахронической фонологии.

1. Примат внутрисистемных факторов. В развитии морфологической системы ведущую, определяющую роль играют факторы внутрисистемного характера. В данном случае определяющими будут собственно морфологические, а не фонетические или синтаксические факторы. Так, за тысячелетнюю фиксированную историю славянского склонения не создано никакой совершенно новой флексии, нет новой флексии, созданной чисто фонетическим путем. Фонетика, фонетические изменения вносили лишь „шумы“, „помехи“ в функционирование и развитие системы падежных флексий. Любая падежная флексия современных славянских языков и диалектов — либо сохранение прежней флексии, смена фонетически преобразованной согласно законам исторической фонетики, либо контаминация двух прежних флексий, либо переразложение основ (вычленение новых формантов), например, флексии *-ow*, *-owe*, ср. также историю вычленения и обобщения форманта (*x*) как показателя прошедшего времени в новом сигматическом аористе и имперфекте.

Морфология часто „исправляет“ результат действия фонетических законов. Например, если „полезное противопоставление“, скажем, им. и вин.

(падеж субъекта и объекта), нарушено, оно восстанавливается морфологическим путем (ср. развитие категории одушевленности в истории русского языка). Полезное противопоставление может быть даже усилено проявлением разного результата одного и того же фонетического процесса, например, (*б*) и (*и*) на месте дифтонга *ai/oi* во флексиях.

Следовательно, в истории флексий необходимо искать прежде всего морфологическое, а не фонетическое объяснение (О. Гуйэр, А. Вайян, П. С. Кузнецов и др.). Если в зафиксированной истории флексий первостепенную роль играют морфологические процессы, то почему в дописьменной реконструируемой истории (Т. Милевский) историю флексий можно объяснить фонетически?

2. Как и в диахронической фонологии, ведущую роль в истории диахронической морфологии играет не отдельный факт, не отдельный элемент языка, не история (*б*), не история отдельного звука, не история флексии вин. падежа (а вдруг туда проникнет флексия родительного?), а история системы, история оппозиций (*ē : ě*, *б̄ : е*, *ь : ъ*, *ь : е* и т.д.), оппозиции аорист и имперфект, история оппозиции падеж объекта : падеж субъекта, именительный и винительный и т.п.

Сравним, например, флексии мн. числа древнерусского и современного русского языков:

др.-русский	совр. русский
и. <i>раби</i>	<i>рабы</i>
р. <i>рабѣ</i>	<i>рабов</i>
д. <i>рабомѣ</i>	<i>рабам</i>
в. <i>рабы</i>	<i>рабов</i>
т. <i>рабы</i>	<i>рабами</i>
м. <i>рабѣхѣ</i>	<i>рабах</i>
зв. <i>раби</i>	—

Какими фонетическими законами можно объяснить переходы (*и > ъ*, *ѣ > ов*, *ь > ов*, но *ь > ами*, *омѣ > ам*, *о > а*, *б̄ > а* и т.д.)? Историю какой флексии следует проследивать в формах им. пад. (*ь*), (*и*) или *б̄ + и*? Если рассматривать историю флексий вне системы, вне оппозиций, то можно прийти к заключению, что флексия (*ь*) им. мн. в совр. русском языке — „из вин. пад. мн. числа“, как это обычно и трактуется. Да и откуда же ей взяться? Конечно, не из творительного! Но тогда получается, что „правая рука не знает, что творит левая“. В формах ед. числа идет противоположный процесс разграничения им. и вин., а в формах множественного — сближение? А не является ли это унификацией флексии им. мн. вообще? Не такой ли это процесс,

как и в формах *раб-ам, раб-ами, раб-ах*, не тот ли это процесс, что привел к неразличению родовых окончаний в местоименном склонении прилагательных?

3. Развитие морфологической системы, как и фонологической, — вероятностный процесс. Развитие идет путем нащупывающего выбора, поиска путей возможного изменения. И только позже обобщается, генерализируется один из возможных путей развития. Ср., например, процесс генерализации падежных флексий „твердого“ и „мягкого“ вариантов в русском и сербском языках и следы генерализации по другому варианту в диалектах и памятниках письменности, развитие аналитизма в болгарском склонении и следы общеславянских генерализаций флексий в памятниках письменности как параллельные процессы (обобщение твердого и мягкого склонений, флексий прежнего *о*-склонения и *й*-склонения и т. д.), а также „борьбу“ флексий (*а*) и (*ы*) в формах им. мн. мужского рода в современном русском (*леса — лесы* (уст.), *профессоры* и *профессора, тракторы* и *трактора, поезда* и *поезда*) как проявление тенденции к общей флексии им. мн. для всех родов (*окна* и *окны, яблока* и *яблоки*).

4. Морфологическая система, как и фонологическая, — система неустойчивого равновесия, стремящаяся к устойчивости, равновесию, „системности“ в узком смысле. Она лишь стремится к устойчивости, но никогда не достигает ее. Достижение полного устойчивого равновесия — конец развития. Это в какой-то мере напоминает колебания маятника. Нулевую точку „живой“, колеблющийся маятник „проскакивает“, двигаясь от правой к левой неустойчивости. Достижение нулевой, „мертвой точки“ означает для маятника конец колебаний. И рост кристалла, и развитие живого организма определяется в конечном счете системой неустойчивого равновесия.

Очевидно, поэтому трудно найти чисто флективный или чисто агглютинативный язык, язык чисто синтетический или чисто аналитический: в большей или меньшей мере в любом живом языке присутствует и то, и другое. И абсолютно прав Й. Вахек, выступающий против наивного, архиортодоксального структурализма (1968, стр. 15 — 16, 128): „Jazyk je třeba charakterisovat jako útvar ustavičně směřující k systemovosti“, — подчеркивает Вахек (1968, 16), — „nikoli jako útvar důsledně a bezvýhradně systematický“. Итак, тенденция к системности, симметрии, устойчивому равновесию, а не устойчивое равновесие. Значит, идея системности, структурализма даже лучше „работает“ в диахронии, чем в синхронии. Задача диахрониста — проследить тенденции к системности, синхронист же всегда будет наталкиваться на отступление от системности. Это и хорошо. Не будь этого, не было бы развития языка.

5. Морфологическая система, как и фонологическая, имеет периферию и центр, устойчивые и неустойчивые блоки. Неустойчивые блоки стремятся к устойчивости, равновесию, что и вызывает развитие системы в целом. Устойчивые блоки составляют центр системы, они — предельно системны; неустойчивые блоки составляют вместе с отдельными элементами периферию языка, морфологической структуры в частности. Там, на периферии, сохраняются остатки старого и появляются зародыши нового. Понятие периферии и центра тесно связано с понятием продуктивного и непродуктивного типа формообразования, словоизменения, склонения, в частности с понятием продуктивных и непродуктивных классов слов, продуктивных и непродуктивных морфем, флексий, суффиксов, продуктивных и непродуктивных грамматических способов и грамматических категорий вообще. Так, в позднепраславянском склонении прежние типы **ǫ*-, **o*- основ оказались в центре, а прочие типы — на периферии, некоторые флексии прежних **ǫ*-основ также оказались в центре, а **o*-основ — на периферии. Элементы морфологической структуры обладают центростремительной тенденцией, постепенно слово за словом перетекают в более продуктивный класс, получают более продуктивную флексию. Ср., например, постепенное „перетекание“ в класс „одушевленных“ и многих семантически неодушевленных существительных в украинском и белорусском языках.

6. Очевидно, существуют не только более или менее устойчивые блоки, но и более или менее устойчивые системы в целом. Есть периоды в развитии языка, характеризующиеся относительной стабильностью морфологической структуры, есть периоды интенсивной перестройки морфологии, интенсивных морфологических изменений. В славянских языках наиболее существенные морфологические изменения относятся к 13–15 векам, где-то до 14 века морфологические структуры слав. языков сохраняют в той или иной степени исконную близость, после 14 века уже весьма убедительно просматриваются черты современных славянских языков. После 14 века идет „доработка“, шлифовка морфологической системы, сколь-нибудь существенные преобразования относительно редки.

Естественно, интенсивному преобразованию подвержена неустойчивая система; устойчивая система изменяется очень медленно, даже в том случае, если на нее будут оказывать сильное влияние внешнесистемные факторы. Так, наши некрасовцы, находясь на протяжении столетий в турецком языковом окружении, сохранили не только русский язык, русскую морфологическую структуру, но и свои прежние диалектные черты.

7. Факторы внешнесистемного характера, оказывающие влияние на развитие морфологической структуры языка, подразделяются на два

класса: а) внутрилингвистические (словообразование, синтаксис, лексика, фонологическая структура языка) и б) внешнелингвистические (культурно-исторические, социально-экономические и т.п.).

Известно, что развитие лексики, словаря сопровождает историю народа, его культурно-историческое и социально-экономическое развитие. Словарь постоянно пополняется новыми словами, постоянно отмирают старые слова. Какое именно слово отомрет или станет менее употребительным, какое новое слово появится — не зависит непосредственно и только от грамматики данного языка, но наоборот, каждое отмирающее слово ослабляет данный грамматический класс слов, данные грамматические категории и систему флексий, при помощи которых образовывались формы данного слова. И каждое новое слово усиливает тот грамматический класс слов, в который оно войдет, усиливает данные грамматические категории и флексии.

Идут определенные изменения и в словообразовании, происходит перераспределение продуктивности тех или иных словообразовательных моделей, словообразовательных суффиксов; и это незамедлительно сказывается на перераспределении морфологических, формообразовательных классов, формообразовательных морфем, ибо тот или иной суффикс может сочетаться лишь с определенными флексиями, формообразовательными морфемами. Так, очевидно, в позднеславянском увеличение продуктивности суффикса *-ък-* (*-йк-*), который переводит соответствующее слово в класс слов, изменяющихся по (**a-*) и (**o-*) основам, увеличило продуктивность соответствующих типов склонения; и это было весьма важным фактором, способствовавшим грамматикализации имени прилагательного. Ср.: **sald-ŷ-s*, **sald-ŷk-ā-* | **sald-ŷk-ō-s*.

Безусловно, на формообразовательную структуру языка оказывают влияние и синтаксические изменения. Так, порядок следования „определяемое в препозиции к определяющему“ не требует обязательного согласования прилагательного с определяемым существительным (ср. соответствующее состояние в агглютинирующих тюркских и угрофинских языках, а также, например, в английском. Свободный порядок или постпозиция (ср. русское и польское состояние), наоборот, требует обязательного согласования прилагательного с определенным существительным. Переход от строгого порядка (прилагательное + артикль + существительное) (* *dōbrōs + ŷs + kōnjōs*) к свободному и постпозиции содействовал перераспределению артикля: артикль, относившийся к существительному, примкнул к прилагательному, еще более способствуя оформлению прилагательного как самостоятельной категории (*конь добрый, добрый конь, język polski, *dobrŷ + jŷ konŷ, dobry*

и т.п.) и „выработке“ флексий т. н. местоименного склонения прилагательных.

Известно, что фонетические законы часто нарушают полезное противопоставление в морфологии (например, **sūnūs* и **sūnūt > cъinъ*), однако морфология, там, где это необходимо, восстанавливает материальное выражение полезного противопоставления (ср. совр. русск. *сын — сына*). Фонетический ярус способствует и выработке новых формантов, далее используемых в морфологии. Ср. фонетическое происхождение и морфологическое использование форманта (*x*) как показателя прошедшего времени в славянском аористе и имперфекте, фонетическое происхождение и морфологическое использование форманта (*-ow-*) в русском (*стол—столов*) и славянских языках.

8. Взаимодействие фонологического и грамматического ярусов языка при ведущей роли последнего можно продемонстрировать на истории образования местоименного склонения прилагательных. Известно, что этот процесс шел параллельно в славянских и балтийских языках. Как было показано выше, препозиционный артикль существительного (балтийский и славянский **is > jis, jь < *is*) стал постпозиционным артиклем прилагательного (лит. *gēras — gerāsis* и слав. *dobrъ — dobrъjь*). Дальше в славянских и балтийских языках происходит упрощение сложного окончания *dobraje-go* → русск. *доброго, dobromъjimъ* → русск. *добрым* и т. п. Ср. в литовском языке *gerātmjam > gerājам*. Обычно полагают, что в этом случае ведущую роль играют фонетические процессы (выпадение *j-*, стяжение, гаплогогия и т.п.). Надо полагать, что взаимодействие с фонологическим ярусом здесь иное. Первоначально (*geras + jis*) или (*dobra + jego*) — лексически и морфологически два слова, а фонологически одно слово, ибо проклитика интонационно примыкала к предшествующему слову.

Противоречие между фонологическим и грамматическим ярусами снимается в данном случае в пользу фонологии — и грамматически *gerasis, dobrъjь* становятся одним словом. Но, пока существуют два слова, между ними должна быть синтаксическая связь, в данном случае — повторение грамматических категорий, т. е. согласование. Внутри же одного слова грамматическая связь согласования между его частями, дублирование грамматических категорий избыточно. Ср. тенденцию некоторых словосочетаний превращения в единое слово, разговорный русский: *Москва-река, Москва-реке, Москва-реку*, вм. *Москве-реке, Москву-реку*. Так в литовском языке превращение двух слов личное местоимение + числительное два в одно слово привело за ненужностью согласования к утрате форм двойственного числа первой части: *mūdvī, mūdi, jūdu, jūdvi, mūdviejų, mūdviet, mūdviese*. Но в

местоимении третьего лица еще склоняются обе составные части: *juõdu, jiedvi, Jıdviejı, jıemdviem, juosėdviesė* (даже два ударения!) и т.д. Иными словами, если наши рассуждения верны, должно утратиться формоизменение *gerasis, dobrıjı* либо в первой, либо во второй части — либо в середине, либо в конце нового, по происхождению сложного слова. В данном случае в славянских и балтийских языках в большей или меньшей степени утрачивается формоизменение внутри нового слова и сохраняется в конце (*слепой, слепого, слепому, ... слепые, слепых, слепым* и т. д.). В литовском языке утрата склонения первой части слова идет медленнее, ср., например, параллельные формы *gerámjam* и *gerájam, gerañjame* и *gerājame, geriemsiems* и *geriesiems, gerómsioms* и *gerósioms, gerõsioms* и *gerõmsioms*.

Но может быть в принципе и сохранение формообразующих флексий в середине с утратой формообразования в конце. И такой путь реализовался, в частности, в русском языке, когда образовывался уже вторичный „пост-позитивный артикль“ *вода + та, водѣ + тѣ* (ср. у Аввакума). Здесь утратилось склонение второй части слова, и прежний „новый артикль“ превратился в частицу *-то | -та* (*чайку-то, Ванька-то, землей-то* и т. п.). Колебание утраты формообразования первой или второй частью, с одной стороны, и превращение нового артикля в подвижную флексию (Ю. С. Маслов) привели болгарский язык к аналитизму имени, к утрате склонения существительных и прилагательных. Морфолого-грамматические явления, а не фонетика или синтаксис, привели к столь значительному изменению грамматического строя болгарского языка. Ведущие факторы развития морфологии находятся внутри морфологии, а не где-то на стороне. Между прочим, превращение вспомогательного глагола *хоїта* в частицу *ще* у болгар — тот же процесс, процесс устранения избыточного согласования в лице и числе. Ни у сербов, ни у поляков или украинцев вспомогательный глагол не превращается в частицу, превращаясь во флексию, так как здесь нет согласования, ибо вспомогательный глагол присоединяется либо к инфинитиву, либо к причастию на *л-*.

9. Внутреннее развитие морфологической структуры происходит путем постоянного взаимодействия:

- а) между системой единиц плана выражения и плана содержания;
- б) между парадигматикой и синтагматикой, между системным устройством инвентаря морфем и законами их сочетаемости с основами, словообразовательными суффиксами или лексическими классами.

В свою очередь, система единиц плана выражения взаимодействует с фонологическим ярусом языка, а система единиц плана содержания — с синтаксическим (значение форм, употребление форм, позиции и т. п.).

10. Известно, что единицы плана выражения и плана содержания могут образовывать одно — однозначные, много — однозначные, одно — многозначные соответствия. Тенденция к одно-однозначному соответствию между единицами плана выражения и единицами плана содержания — наиболее общий закон развития морфологии. Проявление этой тенденции идет через подмеченный еще младограмматиками „закон аналогии“ или через сформулированный В. Георгиевым „закон единства корня и основы“. Общая тенденция однозначности оформления грамматических оппозиций приводит либо к оформлению единой основы при разном наборе флексий, либо к единству набора флексий при разных основах. Ср., например, историю простых прошедших времен в болгарском и сербском языках либо историю нового III продуктивного *a*-спряжения в болгарском языке. Ср. литовские параллельные формы местн. пад. мн. числа личных местоимений: *mūsyjè, jūsyjè* — флексии по ед. числу (полезное противопоставление выражено основой); *manyjè, tavujè* и *tumysè, jumysè* — по множественному числу, ср. *seseryjè — seserysè, avujè — avysè* и т. п.

Можно сформулировать общий закон развития морфологической (формообразовательной) системы еще и следующим образом: максимальная унификация по горизонтальному ряду при максимальной дифференциации по вертикальному ряду парадигм. При этом под горизонтальным рядом парадигм понимается единая грамматическая категория, напр., им. пад. I лицо ед. числа всех слов, имеющих эту категорию, всех классов и типов склонения или спряжения. Под вертикальным рядом понимается различие форм внутри парадигмы одного и того же слова.

Следовательно, если по фонетическим законам две или несколько флексий внутри данной парадигмы совпадут (например, флексии им. и вин. ед. в праславянском, ст.-сл. *рабъ, сынъ, конь, гость*), то одна из них со временем выпадет, заменяясь какой-либо другой, сохраняя принцип максимальной дифференциации вертикального ряда (ср. совр. русск. *раб — раба, сын — сына, конь — коня, гость — гостя* и т. п.).

И наоборот, если по фонетическим законам нарушится единство горизонтального ряда (взаимодействие прежней „темы“ с прежней флексией — тематическое и нетематическое спряжение, взаимодействие звукового вида основы (*a-* и *ja-*, *ǐ-*, *ĩ-*, *ĩ-*) с прежней флексией склонения в праславянском языке, то оно восстанавливается под действием тенденции унификации по горизонтальному ряду парадигм. Ср., например, судьбу флексии I лица ед. ч. наст. времени прежних тематического и нетематического спряжений, унификацию *-m* или *-y* (*-mĩ ~ a*) или унификацию флексий прежних

мягкого или твердого склонения, распад склонения по основам и т. п. в славянских языках и, наконец, появление флексии *-ы* с конкурентом *-а* в им. множественного мужского рода (*лѣси — лѣсы / лѣса*). Вся история славянского склонения и спряжения — ярчайшее свидетельство проявления этой тенденции. Более того, эта тенденция не обязательно действует лишь как восстанавливающая „разрушения“, вносимые фонетическими законами, ей подчиняются даже исконно различные флексии, различие между которыми некогда могли оформить грамматическую оппозицию, например, различие между т. н. первичными и вторичными личными окончаниями праславянского глагола. Сюда же относится давно подмеченное явление взаимодействия, взаимообмена флексиями между прежним именным и местоименным склонением еще в праславянском языке, как и в балтийских языках.

Тенденция к унификации горизонтального ряда может проявляться не только как обмен флексиями, не только как унификация чистого материального выражения, как тенденция к единой морфеме, но и как внутренняя необходимость сохранения грамматической оппозиции любыми средствами, путем любого материального выражения, расширения оппозиции, имеющейся в системе, на всю систему. Аналогично отмечаемому в фонологии явлению „давление системы“ можно найти „давление системы“ и в морфологии. Так, в позднепраславянском в одних случаях падежи объекта и субъекта различались (им. ~ вин.), в других — не различались. Число случаев неразличения увеличилось в связи с падением конечных согласных (*-s*, *-m*). Начало возникновения категории одушевленности и можно объяснить „давлением системы“, т. е. теми случаями, когда им. и вин. различались (*кѣто — кого*, но *чьто — чьсо*, *жена — же NЖ*, *раби — рабы* и т. д.), несмотря на то, что в формах ед. м. р. это различие оформляется иначе (*сын — сына*). И в современном русском формальное неразличение им. ~ вин. в случаях типа (*мать, дочь, весло, платье* и т. п.) компенсируется иным материальным выражением — порядком (иным грамматич. способом) слов (*мать любит дочь* и *дочь любит мать*).

Тенденции унификации горизонтального ряда противопоставляется другая тенденция, действующая в прямо противоположном направлении — тенденция формального оформления классов больших лексических пластов, разбиения всего лексического пласта на морфологически оформленные классы (типы спряжения или склонения), если не при помощи классовых показателей („темы“, вид основы), то при помощи своего собственного набора флексий. Такие классы имеют тенденцию грамматикализации — создание новых или усиление прежних, уже существующих в языке грамматических оппозиций. К такого рода явлениям можно, например, отнести создание грам-

матической оппозиции одушевленности. Как усиление грамматической оппозиции существительное ~ прилагательное можно рассматривать и формирование местоименного склонения прилагательных в славянских языках. И едва ли можно найти другой язык со столь же четким морфологическим противопоставлением прилагательного и существительного, как в польском или в русском языках.

Действие этих двух противодействующих тенденций (унификация и разбиение на классы) на определенных этапах развития языка так или иначе уравнивается, но там, где вторая тенденция ослабевает, появляются элементы агглютинации (-ся/сь в русском языке, *най-* и *по-* в болгарском и т. п.).

11. Одним из основных источников морфологических изменений является переразложение фонем на стыке морфем. Явление это, подмеченное еще И. А. Бодуэном де Куртене как переразложение основ в пользу окончаний, играет весьма значительную роль в пополнении инвентаря славянских и балтийских флексий. Ср. *synŭ-s* → *syn-ъ* → *сын*; ср. происхождение и функционирование форманта *-ow* как флексии род. мн. в русском языке или как суффикса множественного числа в сербском языке, суффикса множ. числа ср. рода *-et-* в сербском языке (*дугме – дугмета*) и т. д. Однако этот процесс нельзя рассматривать как односторонний, как постоянный переход фонем от основы к окончанию. Процесс этот – двусторонний: то от основы отходит фонема к окончанию, то от окончания к основе. Так, формирование нового болгарского *a*-спряжения нельзя себе представить без неоднократного переразложения *-iŝb* > *i+ŝ* || *-eŝb* > *e|i+ŝ*, || *a+ŝ* (*чита-м, чита-ш* и т. п.). Богатый материал о переразложении морфологических элементов дает история польского спряжения (например, такие формы, как *pisalem*, история форм будущего времени в сербском (*pisaću*) или украинского языка (*їстиму*), история форм имперфекта и т. п. Нередко, таким образом, словосочетания (аналитический способ), например, *читать + хочу* путем переразложения морфологических элементов дает единое слово, а слово служебное порождает морфологический формант (*ћу, ћем* и т. п. в сербском, *ще* в болгарском). Процесс утраты форм спряжения и превращения прежнего вспомогательного глагола в частицу *ще* (особого рода агглютинации) в болгарском языке объясняется теми же закономерностями, что утрата склонения одной из прежних составных частей в случаях типа *dobra + jęgo, коня + того*.

12. Большую роль в морфологических изменениях играет явление нейтрализации морфологических оппозиций. Нейтрализация – неразличение, отсутствие материального выражения того или иного грамматического

противопоставления. Так, в славянских языках издавна действует тенденция нейтрализации грамматической категории рода в формах множественного числа. В русском языке эта тенденция полностью завершилась. Так что в словах *pluralia tantum* (*брюки, ножницы, очки*) мы не можем определить грамматический род существительных. В литовском языке, например, нейтрализуется категория числа в формах 3 лица глагола.

Очевидно, отношение числа позиции нейтрализации и позиции различения будет, как и в фонологии, характеризовать силу данной грамматической оппозиции. Естественно, чем больше число позиций дифференциации, различения, тем сильнее данная грамматическая оппозиция. Чем больше типов склонения и групп существительных, где материально противопоставляются, например, падежи объекта и субъекта, вин. и им., тем сильнее данная оппозиция. Так, развитие категории одушевленности в славянских языках следует рассматривать как усиление оппозиции падежей объекта и субъекта, вин. и им. В лужицких языках это различие находим даже в формах двойственного числа. Развитие местоименного склонения прилагательных следует рассматривать как усиление оппозиции грамматической категории существительных и прилагательных в славянских и балтийских языках.

Наоборот, чем меньше групп слов, типов склонения, классов спряжения и т.п., где формально различаются данные категории, чем меньше позиции различения, тем слабее данная категория. Формальное неразличение грамматической категории рода в современном русском языке в формах множественного числа, общеславянская тенденция нейтрализации категории рода в формах множественного числа свидетельствуют об ослаблении этой категории в славянских языках. Еще не так давно различие категории рода в формах им. мн. сохранялось в русском языке, еще сохраняется различие в этих формах в сербском языке. Речь, следовательно, идет об ослаблении категории рода в славянских языках. По русским диалектам процесс ослабления грам. категории рода идет еще дальше, средний род и в формах единственного числа как бы растворяется то в женском, то в мужском роде. Ослабла категория рода и в балтийских языках (вместо исконного троичного имеем двоичное противопоставление). В связи с этим несколько странным представляется весьма распространенное мнение о том, что история славянского склонения — история перестройки склонения по звуковому виду основы к склонению по грамматическому роду.

Очевидно, в морфологии, как и в фонологии, можно вычислить силу грамматической оппозиции по той же формуле: $F = t \frac{D}{N}$,

где D — число позиций дифференциации, различения;
N — число позиций нейтрализации, неразличения;
t — число коррелятивных пар.

Весьма показательным сравнением падежных оппозиций старославянского (древнерусского) и современного русского языков. Если сопоставить все склоняемое, все типы склонения сплошь в старославянском, древнерусском и современном русском, то можно заметить различие отношений между числом нейтрализуемых и ненейтрализуемых падежных оппозиций. Во-первых, и там, и здесь число нейтрализуемых падежных оппозиций больше, чем число ненейтрализуемых (различающихся) оппозиций. В старославянском нейтрализуется 9 падежных оппозиций (и : в, в : р, в : т, в : м, р : д, р : м; д : т, т : и) и не нейтрализуется 6 (в : д, р : и, р : т, д : и, т : н, м : п); таким образом, силу падежных оппозиций можно представить как отношение 6 : 9 для старославянского языка. В современном русском языке не нейтрализуются лишь две оппозиции (в : д, т : м), в сербском языке нейтрализуется 6, из них — 3 с винительным и 3 с местным падежом, т. е. общие оппозиции винительного и местного падежей слабее, чем у других падежей. Случайно ли, что именно вин. и местные падежи теперь чаще, чем в древнерусском, употребляются с предлогами? Случайно ли, что в современном русском языке прежний местный падеж стал предложным? Один грамматический способ заменяется другим, сохраняя полезное противопоставление. Любопытно, что литовский язык по сравнению со славянскими имеет весьма незначительное число нейтрализуемых падежных оппозиций. Даже в формах двойственного числа балто-славянская нейтрализация форм дательного и творительного падежей не проведена последовательно: весьма часто при единой флексии (-am) полезное противопоставление выражается интонационными различиями *ožiám ~ ožiaĩn*, *galvóm ~ galvoĩn* и т.п. Таким образом, литовское склонение в отличие от славянского достигло максимума дифференциации по вертикальному ряду при минимуме различий по горизонтальному ряду.

Можно подсчитать число случаев (типов склонений) нейтрализации и различения отдельных падежных оппозиций, например, и : в, и : т и т. д., и выяснить динамику усиления или ослабления данных оппозиций. Более того, можно заметить, что на различных синхронных срезах по отдельным славянским языкам не только соотношение нейтрализуемых и ненейтрализуемых оппозиций различно, но и сам инвентарь оппозиций может быть различным: падежные оппозиции, нейтрализуемые в одних языках, не нейтрализуются в других, и наоборот. Из фонологии известно, что характер нейтрализации является объективным показателем характера оппозиций. Очевидно, и в морфологии нейтрализация одних оппозиций и отсутствие нейтрализа-

ции других может быть объективным критерием этих оппозиций. Так, например, панхроническая система падежных оппозиций, предложенная в свое время Р. О. Якобсоном, может быть уточнена и конкретизирована для любого синхронного состояния языка. Она окажется различной в разных славянских языках в разные периоды их развития. Сопоставление таким образом объективно выявленных систем падежных оппозиций дает возможность отчетливее представить их специфику и динамику развития.

13. Постоянное изменение силы морфологической оппозиции путем постоянного изменения соотношений между числом позиций различения (дифференциации, D) и нейтрализации (неразличения, N), $D : N$ — двусторонний процесс развития морфологической структуры языка. Морфологическая категория дивергирует, если появляется хотя бы одна позиция различения ($D=1$) ее прежних алломорфов. В таком случае все остальные позиции будут позициями нейтрализации ($N > 1$). Ср., например, появление позиции дифференциальной в случаях типа совр. русск. *в лесу* и *о лесе*, но *в лесах*, *вкус чаю* и *стакан чаю*, но *вкус молока* и *стакан молока*“ и т.п. Здесь можно усматривать тенденцию русского языка к увеличению числа падежных форм.

Морфологические категории, наоборот, конвергируют, если постепенно, шаг за шагом, от позиции к позиции стирается формальное различие этих категорий, постепенно увеличивается число позиций нейтрализации за счет уменьшения числа позиций дифференциации. Именно так „стиралась“ оппозиция „аорист и имперфект“ в тех славянских языках, где исчезли формы простых прошедших времен; именно так стирались различия между мягким и твердым склонением, между типами склонения по основам в славянских языках, прежних трех родовых различий в балтийских и т.п. От нейтрализации к нейтрализации морфологическая оппозиция исчезает. Таким образом, позиции неразличения, нейтрализации (например, оппозиции мн. ед. в 3 лице глаголов литовского языка, нейтрализация падежных флексий в формах двойственного числа либо в прежних основах на *i-* или *u-*) ни в коей мере нельзя считать лишь новообразованием, результатом утраты, разбазаривания унаследованного богатства, но и в равной мере архаизмом, реликтом прежнего неразличения, даже прежнего отсутствия соответствующих морфологических категорий. Весьма заманчиво, с этой точки зрения, еще раз пересмотреть динамику соотношения нейтрализуемых и ненейтрализуемых падежных оппозиций не только в славянских и балтийских, но во всех индоевропейских языках с целью выяснения не максимума, как это делалось раньше, а минимума падежных оппозиций в праиндоевропейском языке.

14. Изменения, происходящие в морфологической структуре языка, сводятся к двум типам трансморфологизации – трансморфологизации единиц плана выражения и трансморфологизации единиц плана содержания. Как и в фонологии, такие трансформации подразделяются на собственно трансморфологизацию, морфологизацию и деморфологизацию. При постоянном взаимодействии и взаимообусловленности трансморфологизации единиц плана выражения и плана содержания ведущей и в конечном счете определяющей является трансморфологизация единиц плана выражения, изменения формы (ср. у В. И. Ленина „Форма существенна, сущность формирована“).

Трансморфологизация единиц плана выражения не всегда сопровождается непосредственной и незамедлительной трансморфологизацией единиц плана содержания. Так, при деморфологизации единиц плана выражения (например, аналитизм болгарского именного склонения) полезное противопоставление, грамматическая оппозиция единиц плана содержания могут сохраняться и выражаться другим грамматическим способом (предлоги, порядок слов), но без материальной опоры, предварительной трансформации формальной стороны, появления нового алломорфа или морфологического дублета, или хотя бы изменения лексического объема того или иного морфологического класса трансморфологизация единиц плана содержания едва ли мыслима.

Таковы в общих чертах соображения об основных принципах диахронической морфологии.